

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-94-107

Низший социальный класс в традиционных и модернистских обществах*

М.Ю. Попов, А.Е. Капишин

Кубанский государственный университет
мкр. им. Г. Жукова, а/я 1812, Краснодар, Россия, 350005

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

(e-mail: popov-52@mail.ru; poliarnik@yandex.ru)

В статье проводится различие между такими понятиями, как «низший социальный класс» («пломпен-пролетариат»), «криминальное сообщество» и «культурный андеграунд»; показано, каким именно образом низшие социальные слои традиционных и современных обществ существенно отличаются друг от друга. Единый в традиционных обществах «нижний социальный мир» с собственными культурами, культурой и организацией существовал в «дуэте» с «верхним социальным миром». Религиозное представление о его ритуальной нечистоте было основанием для дискриминации и сегрегации входящих в него индивидов и социальных групп. В модернистских обществах низший класс распадается и не может рассматриваться в качестве единой социальной антисистемы: его «осколками», не связанными друг с другом, является «нижняя» — тюремная часть криминального сообщества, контркультурный андеграунд и запрещенные секты; верхняя, привилегированная, часть криминальных сообществ, представляющих собой систему связанных по социальной горизонтали и вертикали патронатов, входит в элиту современных обществ. При этом система патрон-клиентских отношений, скрыто пронизывающих современные общества, с необходимостью предполагают коррупцию, по крайней мере «мягкую». Авторы рассматривают также такое явление, как «андеграунд» в модернистских обществах, определяя его как контркультурные группы, состоящие в основном из достаточно образованных представителей среднего класса. В статье описан и андеграунд советского общества, после перестройки распавшийся, который неверно смешивать с низшим классом современного российского общества. В заключение высказывается предположение, что в российской культурной среде сформировался облагороженный образ «социального дна», повлиявший и на научные представления о нем и основанный на социальной памяти о низшем социальном классе традиционного общества.

Ключевые слова: низший социальный класс; традиционное общество; криминальное сообщество; андеграунд; модернистское общество; контркультура; коррупция; патрон-клиентские отношения

Понятие «низший социальный класс» является частью теории социальной стратификации, созданной Л. Уорнером в работе «Социальный класс и социальная структура» и принятой, хотя и с некоторыми дополнениями, значительным числом социологов. Уорнер отнес к низшему классу «хронических безработных», бездомных, бродяг и иных представителей «деклассированных

* © Попов М.Ю., Капишин А.Е., 2019.

Статья поступила в редакцию 15.11.2018 г.

элементов» [7]. В других социологических теориях низший социальный класс имел другие названия: так, в марксистской литературе его называли «люмпен-пролетариатом», отмечая, прежде всего, деклассированность составляющих его индивидов и групп. В дореволюционном российском обществе была распространена характеристика такого социального слоя как «черного» — его представителей называли «чернью». Практически синонимичен «черни» «охлос» Аристотеля, противопоставленный «демосу» («народу»). В системе Аристотеля, раскрытой в «Политике», «демос» состоит из людей определенного происхождения и профессий, является основной положительного политического устройства в противоположность «охлосу» и «охлократии», или «крайней демократии», которую Аристотель не считает видом государственного устройства, поскольку «там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства» [1. С. 497].

Некоторые отечественные социологи отождествляют низший социальный класс, ведущий «антисоциальный образ жизни», как с контркультурным андерклассом, так и с криминальным миром. Так, В.А. Бачинин понимает под «социальным подпольем» реликтовые социальные образования, имеющие архаическую природу [3. С. 191—192]. В основе его концепции лежит утверждение, что вытесненные из «культурного, цивилизованного общества», из верхних и средних страт, социальные группы сумели сохраниться сами, «осев» на нижних уровнях общества, в его «подвальной» части, и сохранить свои ценности и нормы, но при этом в социальном «подполье» содержится в концентрированном виде и преступное начало [4].

При таком понимании «социального дна» не проводится различие между низшим социальным слоем, состоящим из «люмпен-пролетариев», т.е. людей с предельно низким социальным статусом, и криминальным сообществом, чьи члены разрушают правовую систему общества, и андеграундом как группой людей, принадлежащих к контркультуре. «Социальное подполье» соединяет в себе предельно социально низкое, криминальное и контркультурное начала, потенциально опасные для социальной системы и элиты. Рассмотрим криминальные и контркультурные группы, чтобы показать необходимость их различения, но только в модернистских обществах.

Хотя представители криминального сообщества по определению занимаются противоправной деятельностью, только его низшие слои могут быть отнесены к низшему слою нижнего социального класса в современных обществах. Поэтому в модернистских обществах криминальное сообщество неправильно понимать как часть «социального дна», поскольку «криминальные авторитеты» по уровню доходов, образу жизни и социальным связям относятся к верхнему социальному классу, по крайней мере к его нижнему слою в классификации Уорнера. Они в той или иной степени связаны с элитными социальными группами, и такого рода связь может принимать как форму делового партнерства (запрещенного, но существующего), так и родственный характер. Граница между «криминальным» и «чистым» бизнесами фактически размыта, а представители административной и экономической элиты «срастаются» в симбиотической социальной связи с высшим эшелон

криминалитета. О такого рода отношениях элит и криминала в постсоветских обществах писали так часто и аргументировано, что их наличие воспринимается жителями постсоветского пространства в качестве банальности. Впрочем, такое положение дел не уникально для постсоветских стран и имеет аналоги в других обществах, в том числе западных, хотя в последних связь элит с криминальным миром хорошо замаскирована. Лишь иногда о ее существовании становится известно общественности благодаря выходу таких книг, как, например, «Всемирная прачечная. Террор, преступления и грязные деньги в офшорном мире» Д. Робинсона [9] или «Кокаин, контрабанды и нарко-война» С. Кастилло.

Криминальный мир тесно связан не только с политическими и экономическими элитами современных обществ, но и с культурными. Достаточно в этой связи вспомнить о классике американской музыки Ф. Синатре, который был тесно связан с криминальными авторитетами своего времени.

В традиционных обществах деятельность, противоречившая их правовой системе (криминальная), с необходимостью приводила к тому, что ее субъект: изгонялся из общества; был казнен; подвергался дискриминации, отделяясь от законопослушных членов общества, опускался на социальное дно на время или на всю жизнь. Если в таком «падшем» состоянии у него появлялись дети, то они наследовали его низший статус. Преступление понималось как ритуальное осквернение и воспринималось в контексте господствовавшей религии. Об этом подробно писала М. Дуглас в ставшей классической работе «Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу». В ней, в частности, рассматривалась кастовая система индийского общества, в которой «статусы представлены с позиций чистоты и нечистоты... Самые низшие касты наиболее нечисты, и именно их скромные услуги дают высшим кастам возможность не соприкасаться с телесной нечистотой... Вся система репрезентирует тело, в котором, в результате разделения труда, голова занята размышлениями и молитвами, а наиболее презренные части занимаются уборкой мусора. В каждом локальном субкастовом сообществе есть четкое представление о его относительном положении на шкале чистоты. С точки зрения индивида, система кастовой чистоты выстраивается снизу вверх. Те, кто над ним, более чисты. Все, кто ниже его, как бы ни было сложно их отношение друг к другу, для него нечисты» [6. С. 185].

В кастовой системе (хотя не только в ней) цвета используются как маркеры социального статуса и степени ритуальной чистоты. Черный цвет, обозначавший представителей низшего социального слоя, указывал на их ритуальную нечистоту, противоположную «белизне», т.е. ритуальной чистоте элиты. Именно осквернение, передающееся по наследству, лежит в основе дискриминации и сегрегации «неприкасаемых» в традиционных обществах. Закон воспринимался как граница, переход которой исключал возможность принятия участия в религиозных обрядах и тем самым выводил индивида из общества. Дуглас отметила, что к ритуальной нечистоте «нужно подходить через понятие порядка» [6. С. 71], под которым она понимает, прежде всего, порядок социальный. Общество утверждает для подражания образцы, источником которых является определенная религия. Индивиды

и группы, ориентирующиеся на них, пребывают в рамках закона и, тем самым, поддерживается социальный порядок. «Нечистота — это то, чего не должно быть, если надо сохранить образец» [6. С. 72]. Закон проводит границу между теми, кто следует предлагаемым образцам, как бы материализуя их в своей жизни, и теми, кто их нарушает. Преступление отождествляется с отказом от следования в мышлении и деятельности предлагаемым религией образцам и понимается как «нечистота».

Такое функционалистское объяснение нечистоты и преступления кажется поверхностным, но это не значит, что оно ничего не объясняет.

В японском традиционном обществе представители «социального дна» назывались «нелюдями» — это соответствовало представлению, что преступник умер как человек [5. С. 159]. Он, однако, попадал не в социальный вакуум, не имея прав и собственности: представители «социального дна» традиционного общества были частью организованных социальных групп, исполнявших предписанные функции в социальном пространстве «нижнего мира», которое было также иерархично. Можно в этой связи указать на «неприкасаемых» в индийском обществе, организованных в многочисленные и активные сообщества (при всей их дискриминации со стороны «дважды рожденных») [14. С. 471—478], или на «неприкасаемых» японского социума, имевших руководителей, передававших свою должность по наследству [5. С. 168]. Какое-либо взаимодействие представителей «нормального» общества с представителями преступного «социального дна» и, соответственно, влияние второго на первое было исключено, поскольку считалось, что оно вело к осквернению полноценных членов общества. Поэтому в традиционных обществах «социальное дно» понималось как состоящее из преступников, социальная ничтожность и криминальность отождествлялись.

В модернистском обществе эта связь была утрачена. В силу своего секулярного характера и того, что стратификация основана на критериях экономического дохода, образа жизни и влияния социальных связей, индивид или группа могут иметь высокие социальные позиции, входить в элиту и при этом быть представителями криминального мира или, по крайней мере, быть связанными с ним. Однако следует выделять среди представителей криминального сообщества и тех, кто не просто де факто являются преступниками, существуя как часть «цивилизованного сообщества», но и тех, чья вина доказана, и они отбывают заключение в тюрьмах, т.е. в изолированном социальном пространстве. Последнее сообщество называют тюремным, оно — часть криминального мира, близкое по образу жизни к низшему социальному классу традиционных обществ, в наибольшей степени архаичное с точки зрения сохранения норм и ценностей, принятых в низших сообществах традиционных социумов. Отношение к нему в «большом» криминальном сообществе неоднозначно: с одной стороны, «сидевших» принято уважать, «правильное» (с точки зрения норм криминального сообщества) пребывание «на зоне» повышает социальную позицию члена криминального сообщества, попадание в него даже понимается как инициация в криминальном мире, как условие полноценного вхождения в него. С другой

стороны, тюремное сообщество («зона») считается низшим уровнем внутри криминального общества, и такое представление является прямым продолжением представлений членов традиционных обществ об инициации, понимавшейся как преступление и искупление в ритуально нечистом, низшем социальном пространстве.

Причина, по которой некоторые социологи увязывают принадлежность к низшему социальному слою с принадлежностью к криминальному сообществу, может иметь идеологический характер. Ч.Р. Миллс в книге «Социологическое воображение» обратил внимание, что многие представители «официальной социологии» (к которой он относил, прежде всего, структурный функционализм Т. Парсонса и «абстрактный эмпиризм» П. Лазарсфельда) не столько отражают в своих работах фактическое положение дел в обществе, сколько утверждают такое, что предписывается идеологическими целями, по сути, входя в «государственно-монополистический аппарат науки» [7. С. 202—220]. Речь идет о картине социальной действительности, распространяемой и большинством западных средств массовой информации, согласно которой демократические де юре и де факто общества — те, в которых большинство населения свободно определяет и меняет элиту и государственный курс, криминал если и имел связи с элитами, то только в прошлом, четвертая власть независима и т.п. В этом мифе криминальное сообщество не обладает значительным влиянием ни на одну из сфер общества, располагаясь на социальных «задворках». Коррупция в нем объявляется социальной дисфункцией, с которой борются, а не нормой, которая лучше или хуже маскируется.

К социологическим теориям, поддерживающим данный миф, относится, в первую очередь, структурный функционализм и теории преступности, логически из него вытекающие, но несколько его модифицировавшие. С опорой именно на такие концепции рассматривалась преступность в США в классической работе Э.М. Шура «Наше преступное общество». Представители структурного функционализма (Т. Парсонс, Р.К. Мертон, Н.Дж. Смелзер) рассматривают криминалитет как результат отсутствия в обществе морального регулирования: если чаяния людей не совпадают с получаемым вознаграждением, то разрыв между желаниями и их осуществлением может повлечь за собой преступные поступки. А. Коэн объединил эти иные, чем в «большом» обществе, критерии успеха — кражи, агрессивность, вандализм — как элементы делинквентных субкультур, или «субкультур насилия» организованной преступности [16].

Вхождение индивидов в криминальные сообщества может быть объяснено тем, что отношения в них подобны традиционным общинам, прежде всего родовым или большесемейным. Вхождение в них решает (по крайней мере, в представлении людей) проблему отчуждения, отмечавшуюся еще классиками социологии — К. Марксом, Ф. Теннисом, Г. Зиммелем. Структуры организованной преступности, как и религиозные секты, по-прежнему основаны на типе социального взаимодействия, преобладавшем в традиционных обществах. В этом смысле такие структуры действительно могут быть названы реликтовыми, архаичными,

противостоящими институтам и порядкам модернистского общества: «распространенность и сила клиентарных связей являются индикатором эффективности либо неэффективности современных институтов... В странах, где традиционные структуры мощнее, а модернизация имеет еще неорганичный, заимствованный и даже насильственный характер, современные социальные механизмы и вовсе превращаются в институциональные гибриды, а то и во внешний декорум неотрадиционалистских феноменов» [2. С. 73—74].

Коррупция не просто допустима в патрон-клиентских отношениях, но и естественна, обозначая вхождение индивида в тот или иной патронат («клан»). Отношения внутри таких структур кардинально отличны от поверхностных, формальных и деперсонализированных социальных связей. Возникнув в традиционном обществе, воспроизводя внутриродовые отношения (в которых патрон выполняет роль патриарха — главы рода или большой семьи), патрон-клиентские отношения не просто распространены в современных социумах, но и, по крайней мере в некоторых из них, де факто заменяют в социальном управлении формальные институциональные взаимодействия: «частные союзы защиты и покровительства в определенных условиях могут стать институционализированной формой управления — не только в локальных, но и в обширных и сложных социальных пространствах — беря на себя определенные функции институтов публичной власти или даже полностью их замещая... патрон-клиентные и все подобные им — клиентарные — связи воспроизводятся внутри современных институтов, влияя на их функционирование» [2. С. 63, 71].

Структуры, основанные на патронаже, имеют непосредственное отношение к структурам организованной преступности (слово «мафия» переводится как «семья») и к коррупции, цементирующей подобного рода отношения. Вступление в такие маскирующиеся, юридически противоправные отношения понимается как вступление в «семью», которая негласно защищает и социально продвигает своих членов. Однако протекция дается не просто так — каждый член «семьи» должен делиться с другими частью своего капитала (не обязательно и не только материальным, но социальным). Каждый член «семьи» за покровительство регулярно приносит жертву, и само право на это воспринимается как привилегия.

Говоря о патрон-клиентских структурах в современных обществах, следует различать два вида коррупции — «твердую» и «мягкую». «Твердая» представляет собой взяточничество, коммерческий подкуп. Хотя она допускается в патрон-клиентских отношениях (само их существование является «питательной» средой для нее), тем не менее, не является для них обязательной. Иными словами, современные патрон-клиентские связи могут устанавливаться и поддерживаться без «жесткой коррупции», но они невозможны без коррупции «мягкой», под которой понимаются: nepotism (кумовство) — предоставление привилегий родственникам, кронизм — предоставление привилегий друзьям, друзьям друзей, фаворитизм и др. [11. С. 72—80]. Несмотря на то, что во многих современных обществах, где сильны традиционные устои (к ним относятся не только технологически отсталые «страны третьего мира», но и, например, Япония и Корея),

к «мягкой коррупции» в общественном мнении отношение как минимум снисходительное, хотя она все равно противоречит праву. Так, в конвенции ООН, принятой в 2001 году против коррупции, непотизм, без которого немислим патронаж, отнесен к коррупции [19]. В российском законодательстве есть несколько статей, в том числе в Уголовном кодексе, направленных против «мягкой коррупции» [11. С. 79]. Несмотря на это, «мягкая коррупция» (как и практикующие ее большие или малые «кланы») не просто широко распространена в российском обществе, но и воспринимается общественным мнением если не как норма, то как обычное положение вещей.

Коррупционные связи, естественные в патронажах, коренятся в традиционных социальных отношениях, когда они были не только привычными, но и не противоправными. Поэтому такого рода связи (особенно «мягко-коррупционные»), как и построенные на них нелегальные социальные группы, воспринимаются в традиционалистски настроенном обществе как естественные, порой даже как нравственно должные. Например, можно вспомнить практику, считающуюся в современном обществе коррупционной, — «кормление от дел» в России XIX века, хотя она имела множество аналогов в других традиционных обществах: чиновники открыто, в соответствии с нормами права, получали подношения за что не открыто оказывали им «содействие» в решении разных вопросов, таких, как «выхлопотать» пособие, получить разрешение на свадьбу, помочь сделать шаг в карьере, подать за кого-либо прошение в суде. Подношение воспринималось как дань уважения, а его отсутствие, напротив, как проявление неблагодарности и цинизма. М.А. Афанасьев приводит утверждения образцовых чиновников XIX века Д.Н. Блудова и М.А. Корфа, воспринимавших патрон-клиентские отношения не просто как обычные и дозволенные, но как должные, более того — нравственно оправданные [2. С. 107—108]. Отношения между чиновником, выступавшим в роли патрона, и клиентами, регулярно его «благодарившими», понимались как родственные. На их основе формировались патронаты, принадлежность к которым определялась тем, кто кому приносит регулярные подношения. Такие патронаты могли вступать в различные взаимоотношения — конкуренции, кооперации, иерархии и пр.

Коррупционные отношения в современном обществе идентичны рассмотренным, представляя собой сеть теневых «патронатов» (кланов) во главе с тем или иным коррупционером, занимающим высокую социальную и/или административную позицию. Единственное их отличие заключается в том, что в модернистском обществе они противоречат закону, поэтому сами такие отношения, как и индивиды и группы, в них включенные, считаются криминальными. Они «подпольны» в том смысле, что замаскированы и нелегальны, но при этом могут оказывать существенное влияние на общественную жизнь.

Ошибочно считать, что патрон-клиентские отношения и связанная с ними «клановая структура» играют сегодня существенную роль только в обществах частично модернистских (например, в индийском или среднеазиатском), в то время как в западных обществах они маргинальны и вытеснены на общественную

периферию. Выстроенные анонимно-рационально демократические институты модернистского общества на первый взгляд исключают практику социального патронажа и клановую структуру, номинально отвергая патримониальное господство и личную зависимость. Социальные институты модернистских обществ и связанная с ними официальная идеология демократического правового общества объявили патрон-клиентские отношения и клановые структуры нелегитимными [2. С. 72]: такая нелегитимность не сводится к моральной оценке, она предполагает и наличие социальных сил, противодействующих воспроизводству патрон-клиентских отношений. Такое противодействие возникает как благодаря социальной мобилизации клиентов, так и активности групп и индивидов, занимающих высокие социальные позиции вне клиентелистских связей. Не обретя силы в законе, теряя традиционное оправдание, испытывая влияние отношений купли-продажи, патрон-клиентные отношения становятся не столь распространенными и открытыми в западных обществах, как прежде [17. С. 175], однако, скрыто существуя внутри институциональных структур и вне права, они по-прежнему играют важную социальную роль. Они де факто входят в элиту западных обществ или, по крайней мере, тесно связаны с деятельностью элитных групп.

В этой связи уместно выдвинуть утверждение, обосновать которое в рамках данной статьи невозможно, что «кланы» в модернистских обществах не только подобны по способу «замаскированного» существования и скрытой солидарности «тайным обществам» и государственным спецслужбам, но и в некоторых случаях тесно связаны или даже сращены с ними: «Индустриальное предприятие и бюрократический аппарат, задающие структурно-институциональные и функционально-поведенческие матрицы современной социальности, при ближайшем рассмотрении оказываются вместилищем социальной „контрабанды“ — неформальных отношений зависимости и покровительства... Исследования по социологии зафиксировали серьезные отклонения реального функционирования административных учреждений и повседневных отношений внутри персонала от официальных правил и инструкций, т.е. от веберовского идеального типа бюрократии. Разновидностью подобных дисфункций являются „параллельные властные отношения“» [2. С. 69—70]. К. Легг также был убежден, что «бюрократизация современной жизни не только не исключает, но реально порождает клиентелистские связи», а в современных организациях существуют удобные побудительные мотивы клиентелистской активности [18. С. 197].

Криминальное сообщество — один из «осколков» низшего социального класса («нижнего мира») традиционного общества в модернистских обществах. Его отличительной чертой является нарушение правовой системы. Термин «андеграунд» обозначает сообщества людей культурно девиантных и в этом смысле не являющихся нормальными членами общества. Представители андеграунда — группы людей, занимающихся культурными или культовыми практиками (в этом случае речь идет о сектах, деятельность которых запрещена). Эти практики, как минимум, не поощряются, а как максимум — преследуются, но представители данных групп необязательно занимают низшие социальные позиции. Даже беглый

взгляд на историю андеграунда как на Западе, так и в России показывает, что в них входили не только представители среднего класса, но и порой представители элит. Факт принадлежности индивида к контркультуре в современном обществе не указывает на социальную маргинальность хотя бы потому, что он может скрывать ее. Представитель андеграунда может иметь несколько социальных жизней, в одной из которых является вполне уважаемым представителем среднего или высшего класса.

Увязывание отвержения ценностей и норм общества с пребыванием в низшем социальном классе сегодня лишено оснований. Представители андеграунда, как правило, имеют достаточно высокое образование, доход и в целом социальный статус, не позволяющий отнести их к «социальному дну». Его представители обычно пребывают в настолько тяжелых материальных условиях и в настолько подавленном состоянии, что их образ жизни сводится к борьбе за выживание, исключает социальные и тем более культурные протесты, они в принципе не способны выработать альтернативные, антисистемные нормы и ценности. Представителей культурного андеграунда следует отнести к контр-элитным социальным слоям, их, а не людей из низшего социального класса, можно сравнить, вспомнив фрейдистское структурирование психики, с членами социального «Оно» общества. Можно сказать, что ценности и нормы субъектов культурного андеграунда находятся в отношении инверсии к культурным устоям общества, в котором они «подпольно» существуют.

В советском обществе андеграунд был представлен интеллектуалами, чье творчество не вписывалось в рамки советских ценностей и норм, однако их социальная позиция не позволяет отнести их к низшему классу. Некоторые представители советского андеграунда даже относились к культурной богеме советского общества. Об этом, например, говорит история «шизоидного подполья» в Южинском переулке Москвы в 1970—1980-е годы [15]: деятельность данного неформального объединения показывает, что принадлежность к контркультуре и асоциальный образ жизни (алкоголизм и наркомания) могут сосуществовать с высшим образованием и материальным доходом среднего для общества уровня. Представители советского андеграунда были частью интеллигенции, которую, хотя бы на основе уровня образования, неверно относить к «социальному дну». Именно такие представители общества были носителями контркультуры, потенциально опасными для социальной системы и ее элиты. Неслучайно после разрушения советского общества некоторые из них вышли из «подполья» и стали если не частью новой элиты, то, по крайней мере, людьми, тесно связанными с ней, что позволило им повысить социальное влияние и обрести формальные регалии (например, А.Г. Дугин, Г. Джемаль). Аналогичный «социальный подъем» совершили некоторые диссиденты, «альтернативные» советской культуре писатели и художники, влившиеся в структуру постсоветской культурной элиты.

В постсоветском обществе, с одной стороны, возник низший социальный класс в классическом социологическом понимании, наполнившийся массами людей, прежде составлявшими советский средний класс, с другой стороны, исчез

андеграунд как сообщество интеллигентов, представителей среднего класса и в то же время носителей контркультуры.

У советского андеграунда существовали и аналогичные неформальные группы в западных обществах, например, американские «битники» в середине XX столетия. Их пример особенно показателен, так как к концу века их идеология контркультуры проникли в верхние слои американского общества и кардинально изменили их.

Представления некоторых отечественных социологов о «социальном подполье» как единой социальной антисистеме, имеющей собственную контркультуру, потенциально опасную для «цивилизованного общества», не имеют отношения к низшему классу современных обществ. Андеграунд советского общества не вписывается в классическую модель стратификации западной социологии. Для западных исследователей между культурным уровнем (и уровнем институционального образования), образом жизни и социальным статусом существует прямая связь, поэтому в западной социологии, фиксирующей реалии модернистских обществ, человек умственного труда не может быть частью «социального дна». В русской же традиционной культуре существовало такое явление, как «юродивые» (показанное, например, А.С. Пушкиным в «Борисе Годунове») — представители низшего социального слоя, обладавшие высоким авторитетом, с мнением которых считались элиты. Представление о юродивых повлияло на формирование образа «социального подполья» у русской культурной элиты и ученых.

Утверждение императивной связи низшего социального класса с контркультурой верно для традиционных обществ, где низший социальный класс состоит из продуктов социального распада, людей не организованных, не имеющих социальной перспективы. Некорректно утверждать, что они могут быть носителями «альтернативной» культуры и представлять какую-либо опасность для социальной системы и элиты. В традиционном обществе низший социальный класс имеет свою структуру, составляющие его группы живут по своим культурным канонам, которые имеют религиозное основание, однако сверхъестественные сущности, которым поклоняются в низших социальных слоях, имеют иную, «черную» природу, т.е. ритуально нечистую и инфернальную. Низший социальный класс в традиционном обществе — «нижний» социальный мир, практикующий собственные культы и имеющий собственную культурную подсистему, находящуюся, как и вся его социальная система, в отношении к инверсии к цивилизованному традиционному обществу.

Конфликтное сосуществование «нижнего» и «верхнего» миров традиционного общества связано с его древнейшей дуальной организацией. Известные социумы древнего и средневекового времени, как и современные «полутрадиционные» общества индийской, дальневосточной или исламской культуры, содержат остатки дуальной организации, аналогом которой являются римские сатурналии, в которых фиксируется время переворота — когда социальные низы и верхи менялись местами. Они имели аналоги в других традиционных культурах, пример

чему — «карнавальная культура», рассмотренная М.М. Бахтиным. При всей своей «нечистоте», подвергаясь дискриминации и сегрегации, «нижний социальный мир» был необходим для существования «верхнего».

Во многих традиционных обществах, называемых в антропологии архаическими (не имеют письменности и государственной организации), попадание в «нижний мир» для всех индивидов в определенный период жизни было неизбежно, так как в нем происходила инициация — условие социального рождения. Поэтому его можно называть не только «низшим социальным уровнем», «социальным дном», но и «пространством испытания», попадание в которое представлялось как вызов, условие достижения высокого социального статуса: «в общей для всех индоевропейцев (и, вероятно, не только для них) системе воспитания и перехода из одного социально-возрастного класса в другой всякий мужчина непременно должен был пройти своеобразную „волчью“ или „собачью“ стадию.

Эта стадия имела откровенно инициационный характер, и результатом ее прохождения становилось резкое повышение социального статуса, включавшее, очевидно, право на брак, на зачатие детей и на самостоятельную хозяйственную деятельность... Воины-псы обязаны жить на периферии культурного пространства... не нарушая „человеческих“ границ, но ревностно их оберегая от всякой внешней опасности. Фактически, согласно архаической модели мира, они вытесняются в хтоническую зону... Попытка войти на „человеческую“ территорию рассматривалась бы в таком случае как осквернение этой территории, как нарушение всех человеческих и космических норм... Вернуться к человеческой жизни в новом статусе взрослого мужчины „пес“ может только пройдя финальную стадию обряда инициации, равносильную обряду очищения» [8. С. 335].

О связи инициации и преступности, по крайней мере в некоторых в традиционных обществах, Дуглас писала так: «В течение маргинального периода, отделяющего ритуальную смерть от ритуального возрождения, проходящие инициацию временно оказываются на положении изгнанников. Во время ритуала им нет места в обществе. Иногда они действительно уходят жить в какое-нибудь удаленное место. Но иногда они живут достаточно близко для того, чтобы могли происходить случайные контакты между ними и полноценными членами общества. В этом случае мы обнаруживаем, что они ведут себя как опасные уголовники. Они могут нападать, красть, грабить. Такое их поведение даже приветствуется. Антиобщественное поведение — подходящее выражение маргинальности их состояния» [6. С. 147; 10; 12].

Ведя себя асоциально, преступно, пребывая как бы вне общества, иницируемые индивиды ведут себя в то же время так, как предписано и их поведение воспринимается как должное, хотя и опасное. В таком «низком» социальном пространстве практиковались и формы сексуальных отношений, которые запрещались в «культурных» слоях традиционного общества. Характерно, что они же были допустимы в андеграунде модернистских сообществ, поскольку, видимо, как и криминальная среда, контркультурный андеграунд XX столетия был «остатком» низшего социального слоя традиционного общества. Этим же объясняется и рас-

пространенность в андеграунде и криминале ненормативной лексики, бывшей частью контркультурного языка представителей «социального дна»: «в своем исходном виде мат был жестко привязан к маргинальной культурной зоне, ко всем относящимся к ней материальным и нематериальным магическим объектам, к принятым в ее пределах способам поведения и системе отношений как внутри „стай“, так и между членами „стай“ и посторонними» [8. С. 346].

В традиционных обществах, располагающихся как хронологически, так и по своей организации ближе к модернистским, т.е. имеющих государственность и письменность, «нижний социальный мир» более не является пространством, в котором происходит инициация, т.е. образование и воспитание полноправного члена общества. Соответственно, заключение в нем не является тяжелой необходимостью для каждого индивида в определенный период жизни, — теперь это наказание за преступление. В него попадают, как считалось, лишившиеся чести военнопленные и должники, а выйти из него практически невозможно не только для тех, кто в него попал, но и их потомков. Вместо возрастных групп иницируемых возникают «неприкасаемые», рабы и родственные им группы, члены которых постоянно и безусловно пребывают в низшем социальном классе: большинство включены в него от рождения, «расплачиваясь» за предков. Соответственно, инициации из реальных испытаний превращаются в символические практики, только в тайных обществах и их мистериях сохраняя свой «архаичный» характер.

Библиографический список

- [1] *Аристотель*. Сочинения. Т. 4. М., 1984.
- [2] *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. М., 2000.
- [3] *Бачинин В.А.* «Человек барачный» в поэтической девиантографии Игоря Холина // <http://hpsy.ru/public/x5044.htm>.
- [4] *Бачинин В.А.* Основы социологии права и преступности. М., 2001.
- [5] *Данн Ч.* Традиционная Япония. М., 2006.
- [6] *Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.
- [7] *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М., 2001.
- [8] *Михайлин В.Ю.* Тропа звериных слов. М., 2005.
- [9] *Робинсон Д.* Всемирная прачечная. Террор, преступления и грязные деньги в офшорном мире. М., 2004.
- [10] *Скотт Дж.* Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Пер. с англ. И.В. Троцук. М., 2017.
- [11] *Сулакишин С.С., Максимов С.В., Ахметзянова И.Р. и др.* Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России Т. 1. М., 2008.
- [12] *Троцук И.В.* Бегство от государства: сознательный отказ от «достижений цивилизации» и стратегии поддержания «варварского состояния» // *Социология власти*. 2012. № 4.
- [13] *Уорнер Л.* Социальный класс и социальная структура // *Рубеж*. 1999. Т. 10—11.
- [14] *Успенская Е.Н.* Антропология индийской касты. СПб., 2010.
- [15] *Челноков А.* Мелкие и крупные бесы из шизоидного подполья // <https://chelnokov-ac.livejournal.com/7987.html>.
- [16] *Шур Э.М.* Наше преступное общество. М., 1977.

- [17] *Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society // Themes in the Social Sciences. Cambridge, 1984.*
- [18] *Legg K. Comment on advanced industrial societies // Studies in Comparative Communism. 1979. Vol. XII. No. 2—3.*
- [19] UN Conventions and Agreements. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-94-107

Lower social class in traditional and modern societies

М.Ю. Попов, А.Е. Капишин

Kuban State University

mcr. im. G. Zhukova, PO box 1812, Krasnodar, Russia, 350005

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

(e-mail: popov-52@mail.ru; poliarnik@yandex.ru)

Abstract. The authors make a distinction between such concepts as ‘lower social class’ (‘lumpenproletariat’), ‘criminal community’ and ‘cultural underground’, and identify significant differences between the lower social strata in traditional and modern societies. The single ‘lower social world’ of traditional societies had its own cults, culture and organization and was an opposite of the ‘upper social world’. The religious definition of its ritual impurity was the basis for discrimination and segregation of its members and social groups. In modern societies, the lower class disintegrates and cannot be considered a single social anti-system: its ‘fragments’ — the prison part of the criminal community, counter-cultural underground and forbidden sects — are not connected with each other; the upper privileged part of criminal communities (a system of patronages with horizontal and vertical social ties) became a part of the modern society elite. At the same time, the system of patron-client relations that invisibly permeates modern societies necessarily implies corruption, at least the ‘soft corruption’. The authors consider such a phenomenon as an ‘underground’ in modern societies defining it as countercultural groups consisting mainly of well-educated representatives of the middle-class. The article also describes the underground of the Soviet society before and after *perestroika* which cannot be defined as a lower class of the contemporary Russian society. In conclusion, the authors suggest that in the Russian culture there is a kind of refined image of the ‘social bottom’ that influenced scientific ideas about it and is based on the social representations of the lower social class in the traditional society.

Key words: lower social class; traditional society; criminal community; underground; modern society; corruption; patron-client relations

References

- [1] Aristotle. *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow; 1984 (In Russ.).
- [2] Afanasiev M.N. *Klientelizm i rossiyskaya gosudarstvennost* [Clientelism and Russian Statehood]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [3] Bachinin V.A. “Chelovek barachny” v poeticheskoy deviantografii Igorya Kholina [The ‘barrack man’ in the poetic deviantography of Igor Kholin]. <http://hpsy.ru/public/x5044.htm> (In Russ.).
- [4] Bachinin V.A. *Osnovy sotsiologii prava i prestupnosti* [Foundations of Sociology of Law and Crime]. Moscow; 2001 (In Russ.).

- [5] Dunn C.J. *Traditsionnaya Yaponiya* [Everyday Life in Traditional Japan]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [6] Douglas M. *Chistota i opasnost. Analiz predstavleniy ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [7] Mills C.W. *Sotsiologicheskoe voobrazhenie* [Sociological Imagination]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [8] Mikhaylin V.Yu. *Tropa zverinykh slov* [The Path of Animal Words]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [9] Robinson J. *Vsemirnaya prachechnaya. Terror, prestupleniya i gryaznye dengi v ofshornom mire* [The Sink: Terror, Crime and Dirty Money in the Offshore World]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [10] Scott J. *Iskusstvo byt nepodvlastnym: Anarkhicheskaya istoriya vysokogoriy Yugo-Vostochnoy Azii* [The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia]. Per. s angl. I.V. Trotsuk. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [11] Sulakshin S.S., Maksimov S.V., Akhmetzyanova I.R. i dr. *Gosudarstvennaya politika protivodeystviya korrupsii i tenevoy ekonomike v Rossii* [Government Policy to Counter Corruption and the Shadow Economy in Russia]. Vol. 1. Moscow; 2008.
- [12] Trotsuk I.V. Begstvo ot gosudarstva: soznatelny otkaz ot “dostizheniy tsivilizatsii” i strategii podderzhaniya “varvarskogo sostoyaniya” [Flight from the state: A conscious rejection of the ‘achievements of civilization’ and a strategy to maintain the ‘barbarity’]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2012; 4 (In Russ.).
- [13] Warner L. Sotsialny klass i sotsialnaya struktura [Social class and social structure]. *Rubezh*. 1999; 10—11 (In Russ.).
- [14] Uspenskaya E.N. *Antropologiya indiyской kasty* [Anthropology of the Indian Caste]. Saint Petersburg; 2010 (In Russ.).
- [15] Chelnokov A. Melkie i krupnye besy iz shizoidnogo podpolya [Small and big devils from the schizoid underground]. <https://chelnokov-ac.livejournal.com/7987.html> (In Russ.).
- [16] Schur E.M. *Nashe prestupnoe obshchestvo* [Our Criminal Society]. Moscow; 1977 (In Russ.).
- [17] Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. *Themes in the Social Sciences*. Cambridge; 1984.
- [18] Legg K. Comment on advanced industrial societies. *Studies in Comparative Communism*. 1979; XII (2—3).
- [19] UN Conventions and Agreements. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.